

© 1998 г. А.Н. СОБОЛЕВ

О ПРЕДИКАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. Введение.

1.1. Инвентарь причастных конструкций в русских диалектах.

В русских диалектах предикативное употребление форм причастий достаточно ярко отличается от современного литературноязыкового. При этом оно далеко не единообразно. В зависимости от 1) формы причастия, 2) грамматических признаков глагола, от которого оно образовано (переходность / непереходность и в меньшей степени вид), 3) выраженности или невыраженности субъекта действия и его формы, 4) выраженности или невыраженности объекта действия и его формы в русской диалектологии принято выделять следующие диалектные причастные конструкции, отсутствующие в литературном языке [РД 1965: 189–194; РД 1972: 216–231; Кузьмина, Немченко 1971: 137; РД 1990: 153–161]¹:

(1) Причастие на *-н*, *-т*, образованное от переходных глаголов преимущественно совершенного вида, в форме ед. числа ср. рода² +;

(1а) прямое дополнение в вин. или род. пад. (*У соседки овцу на план выпущено; У меня было теленка зарезано – так хранили в шайке; У самого наскладывано песен*);

(1б) подлежащее в им. пад. (*У лисицы унесено курочка*).

(2) Причастие на *-н*, *-т*, образованное от всех грамматических групп непереходных глаголов (как без частицы *-ся*, так и с частицей), несовершенного и совершенного вида в форме ед. числа ср. рода (*У нас много стоено; У пса убежено куда-то; У коты на печку забранось; Было записанось в школу-то у меня*).

Что касается способов выражения субъекта действия, то в конструкциях этого типа известны следующие: 1) им. пад. (*Я большая вода видено³; Девушка уехано; Я замзанось*); 2) предлог *у* + имя в род. пад. (*У меня прялку на пече положено; У меня поросенка закрыто; У Юрки в 5 часов встало; У них валялось на снегу*) – наиболее частотный способ; 3) предлог *от* + имя в род. пад. (*Ей адрес был дано от Вани Гришкина*); 4) имя в твор. пад. (*Молоду женщину схвачено медведицей; Да уж бригадирами собранось*); 5) имя в дат. пад. (*Девять классов окончено парню*).

В отличие от конструкций (1) и (2) общерусскими и в том числе литературноязыковыми являются конструкции, в которых причастная форма *-н*, *-т* и подлежащее, выра-

¹ Помимо обобщающих диалектологических работ в настоящей статье были использованы также публикации по частным вопросам грамматики русских говоров, северных [Еремин 1922; Ягодинский 1941; Бувальцева 1958; Скуратова 1962; Доля 1963; Булатова 1975; Маркова 1987 и др.] и среднерусских [Копорский 1945; Гринкова 1948; Мальцев 1948; Новгородов 1959: 379; Дмитриева 1962; Иваницкая 1962; Петрова 1962 и др.].

По техническим причинам примеры приводятся без указания на источник.

² В части западных среднерусских говоров в форме ед. числа муж. рода.

³ О выражении прямого объекта формами на *-а*, совпадающими с им. пад. литературного языка (см., например [РД 1965: 180–181]).

женное именем в им. пад., координируют между собой, т.е. совпадают по признаку числа и рода. Наиболее часто субъект действия в этих конструкциях выражен предложением у + род. пад. имени (*Юбки-то сношены у девок; Святые все замучены у людей*)⁴. Дialeктными, но с неопределенным ареалом распространения, являются согласованные конструкции, в которых субъект действия выражен формой им. пад. имени (*Дьякон был приехан; Сестра в войну выехана была к нам*), в том числе и при причастиях, образованных от возвратных глаголов на -ся (*Я-то замазанась; Вся оборванась была; А я очень в вас влюбленась!*). Личные и безличные конструкции с причастиями на -н, -т не различаются "с точки зрения выражаемого ими реального содержания" и могут рассматриваться как функциональные дубликаты [Кузьмина, Немченко 1971: 26, 59]; ср. [Филин 1948: 44].

(3) Причастие на -ши⁵, образованное от непереходных глаголов преимущественно совершенного вида (*Что посеяно – все засоши; Каша пригоревши*). При этом в причастии на -вши нейтрализуется противопоставление возвратных и невозвратных глаголов (*Фикус разрогативши*).

(4) Причастие на -ши, образованное от переходных глаголов преимущественно совершенного вида (*В дом зять взявши; Рассошки деревянные, на них насадивши лемехи* (описание сохи); *Избы были поставивши, крыты соломой*).

При выражении субъекта действия в этих конструкциях употребляется 1) им. пад. (*Я замазавши; Девушка уехавши; Я чашку помывши; Один цыган купивши дом; Через трои сутки родивши она сына*); 2) предлог у + род. пад. (*У моей-то дочери было приехавши; У них за коньми ушедши; У них пообедавши; Три золовки было, женивши у обеих; Жена хорошая у меня из Ленинграда взявши; У меня уж корова подоивши*); 3) твор. пад. (*Здесь волкам (и) много ходивши и много утащивши овец; Деревня наша была занявши немцем*) и 4) предлог от + род. пад. (*Им такое дело от начальников запретивши*). Относительно способов выражения объекта действия в рассмотренных конструкциях отметим лишь особо, что в материалах "нет ни одного примера типа у меня посуду вымывши" [Кузьмина, Немченко 1971: 137].

Предикативное употребление причастий на -ши в современном литературном русском языке (за исключением характерного для определенных стилей оборота *Он выпивши*) невозможно.

Согласно определению И.Б. Кузьминой, "типичное грамматическое значение кратких причастных форм с суффиксами -н-, -т- и с суффиксом -ши при предикативном их употреблении одно и то же – это значение состояния, вызванного предшествующим действием" [Кузьмина, Немченко 1971: 203]. Это значение в русской грамматической и диалектологической традиции часто называется перфектным. При этом уже С. Шафрановым в 1852 г. отмечалось сходство внутренней формы русского оборота *У меня в доме убрано* и западноевропейского посессивного перфекта; позже на него указывал А.А. Потебня [Маслов 1984: 237]. Причастные формы противопоставлены всем глагольным формам, обозначающим действие как процесс, *verbum finitum*. Их соотносительность по функции с формами прошедшего времени на -л позволяет рассматривать их как компоненты временной системы, как формы прошедшего времени; возможность же образовать формы будущего времени (*Отец будет приехавши*) и ирреальных наклонений (*Ступай домой и чтобы не была прищоччи!; Чтобы сейчас же*

⁴ Современный русский литературный язык знает в таких случаях две специальные формы обозначения субъекта действия: 1) твор. пад. [РГ 1980 I: 616; II 298] и 2) предлог у + род. пад. [РГ 1980 II: 298]; ср. о неизученности последней конструкции [Исаченко 1960: 373]. Третья форма – от + род. пад. – признается устаревшей [РГ 1980 II: 298].

⁵ Здесь мы имеем дело с "застывшей формой женского рода старого нечленного причастия на -ши [Трубинский 1983: 217]. Глагольные формы на -(е)ши рассматриваются в русском литературном языке как деепричастия, в диалектах же для выделения их как отдельного разряда не имеется достаточных оснований [Кузьмина, Немченко 1971: 4].

была севши! Чтобы собака сейчас унесена!; Село было бы у своих сожжено) позволяет говорить об особой грамматической категории перфекта [Кузьмина, Немченко 1971: 203, 210–212, 219, 222]. Ю.С. Маслов обращал внимание, что в формах перфекта "мы видим причастия страдательного залога от непереходных (*послужено, полежано, по-сижено, побывано* и др.) и возвратных (*кланенось, выспанось, жененось*) глаголов, – причастия, очевидно неспособные к самостоятельному употреблению", что аналогично положению дел, например, в немецком языке [Маслов 1984: 238–239]. При этом приходится постоянно учитывать, что воздействие литературного языка и говоров, не знающих подобного предикативного употребления причастий, приводит к вытеснению этих форм формами прошедшего времени на -л и к затемнению системных отношений между ними [Филин 1948: 26].

1.2. Ареальная дистрибуция причастных конструкций.

Наиболее полно инвентарь, характеристика функционирования и географическое распределение как яркодialeктных, так и общерусских причастных конструкций описана в работах Ф.П. Филина, П.С. Кузнецова, М.И. Пигина, И.Б. Кузьминой, В.И. Трубинского и др. [Филин 1948; Пигин 1963; Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984]. В работах И.Б. Кузьминой на материалах, собиравшихся для Диалектологического атласа русского языка, дана характеристика функционирования всех причастных форм (предикативных, полупредикативных и непредикативных) в русских говорах и показана соотносительность говоров по этому кругу явлений. Были установлены три ареала, в которых собственно диалектные конструкции представлены в различных комбинациях [Кузьмина, Немченко 1971: 210, 143]:

I – "где конструкции с формами на -иш сосуществуют с различными конструкциями, включающими в себя формы, образованные при помощи суффиксов -н-, -т- от переходных глаголов (в том числе *хлеба принесено; у меня поставлено*) – говоры псковские, новгородские, ладого-тихвинские и часть онежских";

II – "где широко употребляются предикативные формы на -иш не только от переходных, но и от непереходных глаголов и где они свободно входят в конструкции разных типов – селигеро-торжковские говоры"; при этом здесь неупотребительны причастные формы на -н, -т;

III – "где регулярно употребляются формы на -но, -то от разных глагольных основ, в том числе непереходных св. вида и возвратных, – часть говоров онежских, белозерских и лачских"; здесь, напротив, не отмечаются причастные формы на -иш.

Четвертый ареал представляет собой вся оставшаяся русская языковая территория, положение дел на которой в принципе совпадает с литературноязыковым состоянием.

2. Грамматический статус причастных конструкций.

2.1. Проблемы видо-временной характеристики.

Согласно определению Ю.С. Маслова, "перфектом можно назвать только такие глагольные формы (или предикативные сочетания), в семантике которых в той или иной мере совмещены два временных плана, предшествующий и последующий, причем между двумя ситуациями, относящимися к этим двум планам, имеется та или иная причинно-следственная связь" [Маслов 1983: 42]. Двуплановость перфекта позволяет различать случаи, когда упор сделан на последующий временной план (результатив), и случаи, когда упор сделан на предшествующий временной план (акциональный перфект). Во втором случае "в центре обычно оказывается некоторое действие в собственном смысле" [Маслов 1983: 43]. Между этими двумя временными планами существует и историческая связь: развитие категории перфекта, согласно концепции Ю.С. Маслова, идет от 1) "видовой формы, объединявшей идею состояния в настоящем и идею действия в прошлом, производшего это состояние" (при этом перфект не мог быть образован от глаголов, которые обо-

значают действия, не оставляющие по себе никаких состояний) [Маслов 1984: 232]; к 2) форме, выражающей само действие в прошлом, оставляющее после себя какие-то следы (при этом перфект начинает образовываться от всех глаголов, в том числе и непереходных, так и непереходных типа *иметь, любить, ненавидеть, желать, быть, сидеть, стоять, спать, жить, долженствовать*). Наконец, эта форма утрачивает логическую связь с настоящим временем и тем самым утрачивает специфику перфекта [Маслов 1984: 248].

В случае результата, как пишут В.П. Недялков и С.Е. Яхонтов, речь идет о "состоянии предмета, которое предполагает предшествующее действие". "По соответствиям между субъектом состояния и актантами предшествующего ему действия различаются два основных диатезных типа результата – субъектный и объектный. В случае субъектного результата субъект состояния (выраженный подлежащим при сказуемом со значением состояния) соответствует субъекту предшествующего действия, в случае объектного – его объекту". Возможен и двудиатезный результатив, в котором подлежащее в равной мере может соответствовать как субъекту, так и объекту предшествующего действия [Недялков, Яхонтов 1983: 9].

Некоторыми славистами, например, А.В. Бондарко литературные русские аналитические причастно-страдательные формы типа *был рассмотрен – рассмотрен – будет рассмотрен* трактуются как формы пассивного перфекта (о перфекте типа *стол накрыт, письмо отослано* и т.п. как особой форме времени в русском языке писал еще А.А. Шахматов). С нулевой связкой «в зависимости от лексического значения глагола и от контекста доминирует либо элемент "состояние в настоящем как результат действия в прошлом" (*Стол накрыт*), либо элемент "прошедшее действие с результатом, актуальным для настоящего": *Письмо отослано*» [Бондарко 1990: 44–45]. В первом случае, таким образом, речь идет о результате, во втором – об акциональном перфекте. Формы с результативным значением при этом сопряжены со стативными конструкциями типа (*Окна в доме ярко освещены*), в которых причастия находятся на той или иной ступени перехода в краткие прилагательные [Буланин 1973: 37–48; Бондарко 1990: 45]; (см. также [Храковский 1991: 150–153]). Согласно наблюдениям Ю.П. Князева [Князев 1983: 149], в русском литературном языке представлены следующие виды результата (субъектный: *Он влюблен*, объектный: *Крыша покрашена*, двудиатезный: *Он одет*), а также акциональный перфект. При этом акциональный перфект формально совпадает с объектным результативом и пассивом. Обычно считается, что основным отличием пассива от результата является присутствие (или возможность введения) в первом случае обозначения производителя действия – агентивного дополнения в твор. пад. (ср. [Князев 1983: 159–160]; см. также [Храковский 1991: 150–153]⁶).

В русских диалектах субъектный результатив представлен двумя разновидностями [Трубинский 1983]. В качестве первой разновидности рассматриваются конструкции с причастиями на *-вши* (*Он ушелвши; Фикус разрогативши*) [РД 1965: 193]; (ср. [РД 1990: 160]). Вторая разновидность субъектного результата представлена в русских диалектах образованиями на *-но, -то* (*У него уехано было; Сижено было у меня; У сына жененось*), которые рассматриваются обычно как формы посессивного перфекта [РД 1972: 222].

Объектный результатив также представлен двумя разновидностями [Трубинский 1983]. Первую разновидность представляют формы причастия на *-вши* типа (*У меня надевши валенки; У пастушки грибы посоливши*) [РД 1965: 193]; (ср. [РД 1990: 160; Трубинский 1983: 217–218]). Вторая разновидность объектного результата выражается формой с причастием на *-н, -т*, согласующимся (*А мусор-то здесь у забора у ей*

⁶ Ср., однако, объектный результатив (не акциональный перфект) в примере *Возле скирды снег утопан зайцами* [Князев 1983: 160].

верно высыпан, а у ково ж) или несогласующимся (*У батьки у твою сажено березку*) [Трубинский 1983: 221–222].

Отмечены и двудиагностические результаты. Они представлены лишь одной разновидностью – формами причастий на *-вши* (*Тогда эта плотина была уже разрушивши; Рожь-то, говорят, вся поломавши; Да вот все пеленки порвавши*). Ф.П. Филин отмечал возможность двойного соотношения этих форм: "Что здесь – *поломана* или *поломалась*, *взята* или *взялась*, *залито* или *залилось*?" [Филин 1948: 38]. По мнению авторов "Русской диалектологии" 1965, «предложение *Она выучивши* может означать и "Она выучилась" и "Она выучена" (а если допустить, что предложение может быть неполным, то возможно и третье толкование – "Она выучила")» [РД 1965: 193–194, сн. 21]. Согласно В.И. Трубинскому, конструкции типа *Колесо-то видить сломавши* соотносятся с непреходящими глаголами (*сломаться*) [Трубинский 1983: 219–220].

Формальное совпадение результата и акционального перфекта в русских диалектах устраняется введением в предложение "таких распространителей предиката или предикативной основы, которые в каком-либо отношении характеризуют предшествующее состоянию действие". Глагольность причастия активизируется 1) введением указания на субъект действия (ср.: *платье разорвано/разорвавши* и *платье разорвано девочкой*); 2) введением указания на объект действия (ср.: *она помывши* (помылась) и *она помывши посуду*). Напротив, значение качественного состояния активизируется при наличии в предложении обстоятельств, характеризующих это состояние (ср.: *она (нарядно) одета; он (сильно) выпивши; дети (совсем) разуты (разувши) были*) [Кузьмина 1975: 234]; об отличиях акционального пассива от статального см. в [Трубинский 1984: 77]).

Несмотря на наличие длительной традиции в изучении русских диалектных предикативных причастных конструкций, несмотря на их обстоятельный анализ в обобщающих работах И.Б. Кузьминой и В.И. Трубинского, следует признать все еще актуальным замечание С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой, что их "собственно грамматическая квалификация в диалектных системах" является делом будущего [Бромлей, Булатова 1972: 127, 128]. Речь должна идти прежде всего о рассмотрении внутрисистемного статуса предикативных причастных конструкций как в системе русского языка в целом, так и в говорах каждого из выделенных И.Б. Кузьминой ареалов. Важно при этом обратить внимание на то, что большое число исследований предпочитает трактовать эти конструкции как сложные видо-временные формы перфекта (М.А. Колосов, Л.П. Размусен, М.Ф. Семенова, В.И. Трубинский, И.Б. Кузьмина) [Кузьмина 1975: 224–225], в то время как их характеристикам как залоговых образований явно уделяется недостаточно внимания. Следует отметить, что решение поставленного вопроса существенно осложняется отсутствием исчерпывающих монографических описаний глагольных систем отдельных говоров и недостаточностью имеющихся данных по говорам ряда территорий. Наконец, нельзя обойти стороной и вопрос об источниках предикативного употребления причастий, о соотношении внутренних (собственно славянских) и внешних (по всей видимости, финно-угорского) факторов в его развитии в истории русского языка и его диалектов (см. [Venkeer 1967; Маркова 1987]), что остается за рамками настоящей работы.

Примером изучения предикативного употребления причастий "изнутри" диалектной системы и определения их взаимоотношений с другими элементами (как диалектными, так и общерусскими) этой системы может служить исследование В.И. Трубинского, проведенное на материале говоров северо-запада РФ и рассматривавшее причастные формы как видо-временные и противопоставленные общерусскому прошедшему времени на *-л* [Трубинский 1984: 6]. Несмотря на тонкий лингвистический анализ, автору тем не менее не удалось решить, например, давно поставленный вопрос о взаимной дистрибуции причастных форм на *-вши* и *-н*, *-т* в тех говорах русского северо-запада, где они сосуществуют. В этих говорах перфект на *-н*, *-т* образуют глаголы как совершенного, так и несовершенного вида (*У меня с семи лет по нянькам-то пойдено, у*

попоф ы дьякоф жыто), как переходные, так и непереходные (возвратные и невозвратные). Перфект на *-вши* ограничен в основном непереходными глаголами совершенного вида. Таким образом, при образовании перфекта (субъектного результата) от непереходных глаголов совершенного вида наблюдается конкуренция двух форм [Трубинский 1969: 124–126]: *Он ушедши – у него уйдено*.

В русистике предлагались различные решения этого вопроса. Ф.П. Филин видел "различие между двумя перфектами... в том, что в одном из них выражена посессивность (это частный перфект), в другом – отсутствие посессивности" [Филин 1948: 42]. Но, как известно, посессивная конструкция *у + род. пад.* возможна с обеими перфектными формами, а причастия на *-н, -т* могут употребляться и с им. пад. подлежащего (*Девушка уехано*).

В.И. Трубинский пытался решить этот вопрос и методом лингвистической географии. Исследуя сосуществование перфекта на *-вши* и перфекта на *-н, -т* в говорах Карелии, он приходит к выводу, что в частных диалектных системах удельный вес каждой из причастных форм неодинаков и что кажущееся сосуществование на самом деле представляет собой ареальное распределение вариантов. По его мнению, не обнаруживается «сколько-нибудь широкой полосы говоров, где бы эти... "параллельные" формы занимали в системе времен более или менее равноценное положение и тем более делили бы между собой свои функции» [Трубинский 1969: 133]. "Там, где говорят *у него привыкнуто, у них пожененось*, не скажут, как правило, *он привыкши* или *они поживши*" [Трубинский 1984: 45]. Так, в Прионежском районе к югу от Петрозаводска преобладает перфект на *-вши*, а в говорах восточного берега Онежского озера (к югу от п. Челмужи) преобладает перфект на *-н, -т* [Трубинский 1969: 126–127, 129–130]. Тем не менее, сам В.И. Трубинский отмечает, что в Заонежье (между Медвежьегорском и Великой Губой) наблюдается высокая степень дублетности обоих перфектов (42 глагола образуют как одну, так и другую форму: *она вышетши – у нее выйдено*). Сходное положение дел отмечается и в восточной части Медвежьегорского района, где формы перфекта на *-вши* употребляются обычно при одушевленном подлежащем и тогда конкурируют с перфектом на *-н, -т* [Трубинский 1969: 128–129]. При этом В.И. Трубинский как в работе 1969 г., так и в монографии 1984 г. ограничивается констатацией, что ему не удалось вскрыть истинного внутрисистемного соотношения этих форм [Трубинский 1969: 127; 1984: 181].

Нетрудно заметить, что ареальное членение карельских говоров по признаку употребительности той или иной формы перфекта аналогично общерусскому, установленному примерно в то же время в работах И.Б. Кузьминой. Существенно, что детализация ареального анализа все равно приводит к выделению зон сосуществования обеих перфектных форм, что говорит об их внутрисистемной, а не ареальной противопоставленности.

Сосуществование двух конкурентных форм перфекта в северо-западных русских говорах пытались объяснить тем, что они имеют различную лексическую базу [Трубинский 1984: 41]. В.И. Трубинский [Трубинский 1962: 164, 178] считает установленным, например, что предикативные формы на *-вши* образуют непереходные глаголы совершенного вида, с общим значением 'осуществленного изменения' (например, в физическом или психическом состоянии одушевленного субъекта, в пространственном положении субъекта и др.), названные мутативными. При этом "мутативность не выходит в основном за рамки категории непереходности, которая обуславливает ее, обеспечивая направленность действия на его же производителя" [Трубинский 1962: 176]. Эта точка зрения, с одной стороны, не позволяет объяснить возможность образования форм перфекта на *-вши* от переходных глаголов и от глаголов несовершенного вида, что также отмечено в северо-западных говорах (см., например: *Она была гостивши, а теперь уехала; Подряд 10 лет была не выходивши замуж; Мой сын был учивши* [Кузьмина, Немченко 1971: 176]); с другой – она не объясняет возможно-

сти образования перфекта на *-н*, *-т* от мутативных глаголов, обозначающих изменение в пространственном положении субъекта, и тем более положения дел в Заонежских говорах, где самим В.И. Трубинским отмечена дублетность обеих причастных форм. Аналогичные возражения могут быть выдвинуты и против наблюдений И.Б. Кузьминой (несмотря на их отличие от результатов, полученных В.И. Трубинским), которая полагала, что "при сосуществовании форм на *-ши* и форм на *-но*, *-то*, образованных от непереходных глаголов (новгородские и псковские говоры), наблюдается тенденция по дифференциации их по кругу лексем – из словоформ с суффиксами *-н*-, *-т*- здесь употребляются по преимуществу такие, которые образованы от глаголов, называющих процесс, растянутый во времени, – глаголов несовершенного вида и глаголов с префиксом *по-* типа *побегано*, *побыто*, *поезжено*, *пожито*, *пороблено*... Формы же на *-ши* от данных групп глаголов образуются относительно редко" [Кузьмина 1975: 240].

Наконец, В.И. Трубинский отмечал, что "в отличие от перфекта с суффиксами *-т*-, *-н*-, обладающего довольно широкой гаммой оттенков временных значений (особенно в двусоставных конструкциях), образование на *-ши* в говорах псковских и новгородских характеризуется, как правило, непроцессуальностью, статальностью значений" [Трубинский 1983: 217–218; 1984: 160]. Второй же результатив ограничен такими глаголами, "которые способны выражать действие одушевленного предмета" [Трубинский 1983: 220, 225]. И все же конструкции с неодушевленным агенсом возможны в севернорусских говорах, хотя и чрезвычайно редки: *У цветов совсем засохнуто*; *У дождя было* [Маркова 1987: 169].

Следует обратить внимание на то, что в диалектах отмечено прежде всего сосуществование двух разновидностей субъектных результативов, в то время как наличие в говоре объектного результатива на *-н*, *-т*, по-видимому, в большей мере исключает возможность функционирования объектного результатива на *-вши* в пределах той же частной диалектной системы. Это следует, например, из характеристики объектных результативов на *-вши* в псковско-новгородских говорах как явлений "редких" [Трубинский 1984: 164]; (ср. [Иваницкая 1962: 160]; противоположное мнение в [Петрова 1962: 184–185]) или как "отклонений от нормы" [РД 1990: 160; (ср. [Кузьмина, Немченко 1971: 170–172])]. Заслуживающим внимания представляется и тот факт, что в диалектологической литературе отмечается наличие лишь одной разновидности двудиагезного результатива, а именно причастной формы на *-вши*. Вполне возможно, что и в русских диалектах можно обнаружить соответствие литературноязыковому двудиагезному результативу на *-н*, *-т* типа *Он одет*.

2.2. Проблемы залоговой характеристики.

Представляется, что описание предикативного употребления причастий в видо-временной перспективе, которое принципиально не может быть исчерпывающим, во многом уже достигло своего предела. Для современного этапа исследований совершенно необходимым оказывается перенесение акцента в рассмотрении этих образований на их характеристику как собственно глагольных залоговых конструкций, чему в литературе, особенно на материале говоров русского северо-запада, явно уделялось недостаточно внимания (см., однако [Trost 1972]).

Иногда полагают (например [Петрова 1962]), что перфект на *-вши* и перфект на *-н*, *-т* противопоставлены как формы действительного и страдательного залога, причем в ряде говоров (например, псковских) грамматическое оформление категории залога более четко, нежели в литературном языке. Причастия на *-н*, *-т* "служат для выражения страдательного залога и обозначают направление действия от его реального производителя, выраженного родительным падежом с предлогом *у* или грамматически не выраженного, на реальный объект (грамматическое подлежащее). Действительные причастия, соотносительные со страдательными, обозначают, что действие (состоя-

ние) сосредоточено в субъекте или объекте действия (грамматическом подлежащем) и не выходит за его пределы". Это формы действительного залога [Петрова 1962: 190–191]. Данные наблюдения З.М. Петрова иллюстрирует следующими примерами: *Чугунок у меня вымاتا – Никакова мыла нету, будем вымыфишы; А в вас записан малако-та? – Ен ф школу записафшы.*

В ряде случаев определить разницу в значении двух залоговых форм нелегко (при наличии дублетных форм типа *глазы испорчен – адин глас уже спортифшы; двери были закрыта – дверь была закрыфшы* или при употреблении обеих форм в одном предложении – *Парники тоже были, у меня за двором стаит (рама), она развалифшы, развалена*), но и здесь следует видеть противопоставление страдательных оборотов действительным [Петрова 1962: 187–188].

По нашему мнению, автором были верно определены залоговые значения интересующих нас форм; некоторые возражения вызывает лишь отнесение форм на *-вши* к формам действительного залога (о возможности иного решения для говоров рассматриваемого типа см. ниже). Следует отметить, правда, что рассмотренные З.М. Петровой говоры отличаются двумя существенными особенностями функционирования причастий, наличие которых не осталось без последствий для восприятия залоговой системы этих говоров. Во-первых, те причастия на *-вши*, которые образуются от переходных глаголов, сами "всегда становятся непереходными" (*труба закрывиши, дом построиши*) [Петрова 1962: 184–185]; во-вторых, в этих говорах невозможно образование причастий на *-н, -т* от непереходных глаголов, "обозначающих движение в пространстве, состояние, переход из одного состояния в другое, внешнее положение субъекта действия и т.п."; здесь употребляются лишь формы типа: *Дефки замуш вышефшы; Я рана сявонни встафшы; Атец забалефшы; Сичас ни паснефшы ише арехи-та* [Петрова 1962: 190]. Эти ограничения, как следует из предшествующего изложения, не действуют в других русских говорах. Но именно залоговая характеристика этих форм представляет наибольшие трудности, что отражено и в имеющихся работах по предикативному употреблению причастных форм: обычно "страдательные конструкции с действительными причастиями" (*Воды принесиши*) и "действительные конструкции со страдательными причастиями" (*У меня совсем не ученошь*) рассматриваются как "залоговые нарушения" [Кузьмина, Немченко 1971: 214, сноска; Кузьмина 1975: 239]. По мнению авторов "Русской диалектологии" 1965, значение конструкций *У него уехано* "противоречит самому существу страдательной конструкции" [РД 1965: 191], а В.И. Трубинский рассматривает эти обороты как квазипассив, считая, что они "полностью лишены пассивного значения" [Трубинский 1984: 140]. В другом месте у того же исследователя находим, что "данный оборот – всегда актив" [Трубинский 1984: 84].

Обычно исследователи довольствуются констатацией того, что генетическая противопоставленность причастных форм на *-вши* и *-н, -т* как форм залога (соответственно, действительного и страдательного) в современных говорах "в известной мере стерта", что та или иная форма может в конкретных говорах преодолевать свою залоговую ограниченность [Кузьмина, Немченко 1971: 214]. В очень редких случаях предпринимаются попытки вскрыть сущность залогового противопоставления конструкций типа (*Он привыкши и У волков здесь хожено*): этому вопросу посвящена статья Л.В. Булатовой 1975 г., написанная на материале говора с. Ладва (в 50 км к югу от Петрозаводска). Утверждая, что залоговая система причастных форм ладвинского говора "в корне отлична от системы литературного языка с его противопоставлением действительного и страдательного залога" [Булатова 1975: 198, 202], автор полагает, что причастие на *-н, -т* от непереходных глаголов (*Это у медведя брожено*) имеет значение "следов, свидетельствующих о совершавшемся действии", а "это состояние не относится к субъекту" [Булатова 1975: 200]. При этом форма на *-н, -т* указывает лишь, что состояние "относится к среде действия", не называя

непосредственно носителю состояния. Залоговое значение этой формы состоит, таким образом, в указании, "что состояние не относится к субъекту действия", "что состояние, обозначенное причастием, вызвано действием, субъект которого не является носителем данного состояния" [Булатова 1975: 199, 201]. Отметим, во-первых, что определение Л.В. Булатовой явно противоречит общепринятому определению конструкций типа *У него залезено на елку; у меня выпанось-то теперь* как субъектного результата, в котором субъекты действия и состояния совпадают (см. выше), и частным случаем которого являются и приводимые автором примеры; во-вторых, указание на следы ранее совершавшегося действия есть частное значение видо-временной категории перфекта. Верные наблюдения Л.В. Булатовой касаются, таким образом, некоторых частных случаев функционирования причастных форм на *-н, -т* и не могут быть распространены на всю категорию посессивного перфекта.

Успешное решение задачи описания причастных конструкций как залоговых образований осложнено двумя факторами: 1) недостаточной изученностью данной категории в русских диалектах, отрывочностью и неполнотой имеющихся в литературе сведений о ней (ср. [РД 1972: 196]) и дословное повторение этого положения в [РД 1990: 138–139]; ср. и тот факт, что в капитальном исследовании по морфологии русских говоров [Бромлей, Булатова 1972] морфологическая категория залога вообще не рассматривается и 2) отсутствием единства в грамматических концепциях залога русского глагола, что существенно затрудняло единообразное описание этой категории в говорах.

Представленные в русистике концепции залога кардинально отличаются друг от друга уже по вопросам определения этой категории (существуют семантические, синтаксические и семанто-синтаксические дефиниции), а также количества форм залога в русском языке (от двух до четырех), не считая расхождений в трактовке более специальных вопросов (обзор точек зрения см. в [Храковский 1990а: 160]). До недавнего времени наиболее широко были распространены семантические концепции залога, как системы грамматических форм глагола, противопоставленных по признаку "разного представления одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом" [РГ 1980 I: 613]. В начале 70-х гг. А.А. Холодовичем и И.А. Мельчуком была выдвинута и в настоящее время в рамках Петербургской типологической школы развивается В.С. Храковским [Храковский 1974; 1981] универсальная теория залога, исторически связанная с концепциями Б. Гавранека и Л. Теньера. Б. Гавранек определял залог как "отношение глагольного действия к субъекту или вообще к конструкции предложения" [Navránek 1928: 14]. В основе петербургской теории лежит представление о семанто-синтаксической категории диатезы. Диатеза определяется как "соответствие между ролями глагольной лексемы (субъектом, объектом, адресатом и т.п.) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнениями)" [Храковский 1990б]. В формулировке А.В. Бондарко "речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту, причем данная характеристика действия связана с соответствием семантического субъекта и семантического объекта тому или иному элементу синтаксической структуры предложения" [Бондарко 1991: 125–126]. Залог же в этой теории определяется как "грамматически маркированная в глаголе диатеза" (А.А. Холодович), т.е. как категория морфологическая. Он "выделяется тогда, когда в языке имеются глагольные лексемы, различные словоформы которых соотносятся с разными диатезами, т.е. с разными соответствиями между ролями лексемы и членами предложения, выражающими эти роли" [Храковский 1990а: 135; 1991: 143]; (ср., однако, с продолжением традиции сугубо семантической трактовки категории залога в [Перельмутер 1995]).

В настоящей работе мы обратимся к характеристике предикативных причастных конструкций и образующих их глагольных словоформ с позиции теории диатез, причем основное внимание будет уделено собственно морфологической стороне категории залога в русских диалектах, т.е. именно вопросу о маркировании диатезы в причаст-

ных формах и о количестве представляемых ими залоговых форм. Рассмотрены будут только собственно акциональные, глагольные конструкции, основной характеристикой которых признается наличие формально выраженного субъекта действия (см. выше); исключаются, в частности, формы двучленного пассива. Следует оговориться, что при установлении инвентаря мы исходим из положения о неупотребительности в русских диалектах форм причастий настоящего времени и личных глагольных форм на *-ся (-сь)* для выражения диатезы 2п (*Гениальное "все течет" произнеслось Гераклитом*), и диатезы 2н (**Здесь волками ходилось*)⁷ и из положения об употребительности личных глагольных форм для выражения диатезы 1п и 1н. О реально засвидетельствованных предикативных причастных конструкциях русских диалектов можно сказать следующее:

Переходные глаголы образуют три диатезы.

Диатеза 1п (субъект действия выражен подлежащим, объект действия выражен прямым дополнением) маркируется тремя формами:

- а) причастия на *-н, -т*: *Я большая вода видено*;
- б) причастия на *-вши*: *Я чашку помывши*;
- в) прошедшего времени на *-л*: *Я чашку помыл*.

Диатеза 2п (субъект действия выражен агентивным дополнением, объект действия выражен подлежащим) маркируется двумя формами:

- а) причастия на *-н, -т*: *У лисицы унесено курочка*;
- б) причастия на *-вши*: *Жена хорошая у меня из Ленинграда взявши*.

Диатеза 3п (субъект действия выражен агентивным дополнением, объект действия выражен прямым дополнением) маркируется одной формой причастия на *-н, -т*: *У соседки овцу на план выпущено*. Маркировки этой диатезы формой причастия на *-вши* типа **У меня чашку помывши* в русских диалектах не отмечено. Эта диатеза трактуется нами в дальнейшем как разновидность диатезы 2п и особо не выделяется.

Непереходные глаголы образуют две диатезы:

Диатеза 1н (субъект действия выражен подлежащим) маркируется тремя формами:

- а) причастия на *-н, -т*: *Девушка уехано*;
- б) причастия на *-вши*: *Девушка уехавши*;
- в) прошедшего времени на *-л*: *Девушка уехала*.

Диатеза 2н (субъект действия выражен агентивным дополнением) маркируется двумя формами:

- а) причастия на *-н, -т*: *Здесь у волков хожено*;
- б) причастия на *-вши*: *У них за коньми ушевши*.

Общерусское диалектное соотношение различных глагольных словоформ с различными диатезами (Табл. 1) свидетельствует об отсутствии диатезных специализаций у причастных форм.

Таблица 1

Форма	Русские диалекты в целом			
	Диатеза			
	1п	2п	1н	2н
на <i>-л</i>	+	~	+	~
на <i>-н, -т</i>	+	+	+	+
на <i>-вши</i>	+	+	+	+

⁷ В настоящей работе, собственно, вообще не затрагивается второй по важности вопрос теории русского залога: "определение принципов семантического и грамматического взаимодействия между глаголами невозвратными и возвратными" [Виноградов 1938: 494]. Отметим лишь, что ограничения, отражающие противопоставление возвратных и невозвратных глаголов в литературном языке, не действуют в диалектах (ср. [Бондарко 1991: 128]), так как в диалектах значения возвратности и взаимности могут быть выражены не только в активных конструкциях (ср.: *Ни с кем не руганось*). Кроме этого, возвратные глаголы могут быть в говорах переходными (*Слушайся маму; Испугалась тетю*).

В целом обо всех русских говорах можно сказать, что появление причастной формы в качестве маркера диатезы 1п автоматически влечет за собой выведение этой формы за рамки категории залога. Хотя такие системы в дальнейшем не рассматриваются, важно отметить, что на русском северо-западе не наблюдается четкого ареального противопоставления говоров, в которых форма причастия на *-вши* образует диатезу 1п (ср.: *Он эту свою жану чем только ня бифшы, чем только ня бифшы* [Новгородов 1959: 379; Мальцев 1948: 233], но отсутствие этих форм во Мстинском говоре [Гринкова 1948: 197]). До настоящего времени сохраняет актуальность положение Ф.П. Филина о том, что данная конструкция «расположена "пятнами" в говорах, имеющих отпричастный перфект» [Филин 1948: 39–40; Кузьмина 1993: 144].

В реальности нет ни одной частной диалектной системы, в которой бы был представлен весь общерусский инвентарь предикативных причастных конструкций. Мы всегда имеем дело с разными комбинациями форм, которые соответствуют разным залоговым системам отдельных говоров (или групп говоров). Этим определяется задача установления правил допустимых комбинаций этих конструкций в конкретных говорах. На настоящем этапе исследования можно лишь, опираясь на результаты опубликованных диалектологических описаний, достаточно предположительно говорить о возможных комбинациях единиц этого инвентаря в говорах, оставляя на будущее непосредственные полевые наблюдения над системами отдельных говоров.

В говорах центральной и восточной части европейской территории РФ, не знающих предикативного употребления причастия на *-вши*, личноглагольная форма на *-л* маркирует диатезы 1п и 1н, а форма причастия на *-н, -т* – диатезу 2п (Табл. 2).

Таблица 2

Центральные говоры

Форма	Диатеза			
	1п	2п	1н	2н
на <i>-л</i>	+	–	+	–
на <i>-н, -т</i>	–	+	–	–
на <i>-вши</i>	–	–	–	–

Конструкции, соответствующие диатезам 1п и 2п, считаются соответственно активной и пассивной [Храковский 1981: 7]. Основной характеристикой пассивной конструкции в теории диатез считается уход субъекта с синтаксической позиции подлежащего [Храковский 1974: 13, 15], что в рассматриваемых говорах сопровождается занятием позиции сказуемого особой формой глагола (причастием на *-н, -т*), которая может быть названа "пассивной" формой [Храковский 1974: 25]. Морфологическая противопоставленность актива и пассива переходных глаголов характеризует и говоры, которые будут рассматриваться ниже. Выраженность субъекта подлежащим и занятие позиции сказуемого в конструкциях, соответствующих диатезам 1п и 1н, одной и той же спрягаемой формой глагола на *-л* позволяет рассматривать конструкцию 1н также как активную. Активной следует признать и саму глагольную форму в конструкции 1н, несмотря на ее непереходность и независимость от ее возвратности или невозвратности [Исаченко 1960: 356, 357, сн. 1; Бондарко 1991: 137]. Противопоставление актива и пассива, выражаемое синтаксически и морфологически, в русистике считается подлинным грамматическим центром и историческим "зерном" категории залога [Виноградов 1938: 486; о категории залога в русском литературном языке см.: РГ 1980 I: 613–616; Храковский 1991].

Среди русских говоров особый интерес представляют, с одной стороны, онежские, лачские и белозерские говоры, не знающие причастий на *-вши* (Табл. 3а), с другой – селигеро-торжковские говоры, которым неизвестны причастия на *-н, -т* (Табл. 3б).

Онежские говоры

Селигерские говоры

Форма	Диатеза				Форма	Диатеза			
	1п	2п	1н	2н		1п	2п	1н	2н
на -л	+	—	+	—	на -л	+	—	+	—
на -н, -т	—	+	+	+	на -н, -т	—	—	—	—
на -вши	—	—	—	—	на -вши	—	+	+	+

В обеих системах представлены особые глагольные формы, специализированные для выражения сказуемого в классической активной (1п) и пассивной (2п) конструкции, что позволяет говорить о формах действительного и страдательного залога у переходных глаголов (в историческом плане любопытна специализация в качестве пассивной формы именно причастия на *-вши* в селигеро-торжковских говорах, что, однако, не оказывает влияния на саму залоговую систему, полностью идентичную онежской). О системе залогов непереходных глаголов можно сказать, что она несколько неожиданно для нас оказалась несимметричной системе залогов глаголов переходных. Ожидалось, что активная глагольная форма будет специализирована для выражения диатезы 1н, а пассивная — для выражения диатезы 2н, что позволило бы трактовать эти конструкции соответственно как активные и пассивные и говорить о четком залоговом противопоставлении у непереходных глагольных форм. Однако это можно сделать лишь касательно конструкции, выражающей диатезу 2н. Здесь сказуемое оформлено той же пассивной формой, что и в конструкции 2п; кроме этого, в ней наблюдается уход субъекта с позиции подлежащего, — все это вместе позволяет трактовать саму конструкцию 2н как пассивную. Мы не можем, таким образом, согласиться с приводившимся выше мнением части русских диалектологов об активном характере этого оборота. Возражения вызывает и квалификация сочетания *у + род. пад.* не как дополнения, а как "своеобразного аналога подлежащего" [Трубинский 1984: 84]: такой трактовке противоречит хотя бы его полная функциональная идентичность классическому русскому творительному субъекту (ср.: *Здесь волками хожено; Мною туды перейдено; Здесь за земляницей людьми хожено* [Ягодинский 1941: 100; Филин 1948: 45; Маркова 1987: 170]).

Важно также отметить, что в русских говорах не обнаруживается случаев маркирования диатезы 2н специальной формой глагола, что позволяет говорить об ее иерархической подчиненности диатезе 2п. Показательно, что нарушение симметрии в обеих группах говоров осуществлено одинаково — путем включения "пассивной" глагольной формы в синтаксически "активную" конструкцию⁸. Это позволяет говорить об отсутствии морфологической формы пассива непереходных глаголов в данных группах говоров, что неожиданно приводит к выводу о совпадении этой ситуации с положением дел в центральных русских говорах и в русском литературном языке и к еще более широкому обобщению о несвойственности морфологического противопоставления актив — пассив непереходных глаголов для основной русской языковой территории.

В некоторых псковских говорах (Табл. 4 [Петрова 1962]) для выражения сказуемого в конструкции, соответствующей диатезе 1н, наряду с общерусской личноглагольной формой на *-л* используется специальная форма причастия на *-вши*, употребление которой ограничено именно указанными рамками.

⁸ Такие образования отнюдь нельзя считать ocasionальными. В материалах по рассматриваемым онежским говорам примеры типа (*Девка приехано, выученось на зоотехника; Она тоже делать ничему не наученось*, а также: *Она уехана в отпуск; Сын был погибнут*) составляют 9% от всего числа примеров предикативного употребления причастий непереходных глаголов [Маркова 1987: 171].

Псковские говоры

Форма	Диатеза			
	1п	2п	1н	2н
на -л	+	-	+	-
на -н, -т	-	+	-	-
на -вши	-	-	+	-

Неупотребительность формы на *-вши* в качестве сказуемого в собственно активной конструкции 1п (что было бы параллельно функционированию формы на *-л*) не позволяет считать ее собственно активной и заставляет видеть в ней особую форму среднего залога. Форма среднего залога обозначает замкнутость глагольного действия в сфере субъекта. Таким образом грамматикализуется категориальное значение непереходных глаголов как глаголов, обозначающих сосредоточенное на самом производителе действие, независимо от их возвратности или невозвратности (ср. [Исаченко 1960: 382]). Последнее подтверждается фактом нейтрализации в причастии на *-вши* противопоставления невозвратных и возвратных глаголов (напр. [Дмитриева 1962: 155]).

Говорить о наличии противопоставления разных залоговых форм непереходных глаголов и тем самым о формировании полновесной залоговой системы на этом участке грамматической структуры мы можем лишь в гипотетическом случае, отраженном в Табл. 5. В этой комбинации пассивная глагольная форма специализирована для употребления в пассивных же конструкциях, соответствующих диатезам 2п и 2н; наряду с ней отмечается и форма среднего залога, маркирующая только диатезу 1н. В этом случае отношения между залоговыми формами переходных и непереходных глаголов вполне симметричны: противопоставлению актива и пассива в первом случае соответствует противопоставление формы среднего залога и пассива во втором. При этом для обоих пассивных преобразований характерна часто отмечаемая в литературе необязательность. "Это значит, что в тех случаях, когда глагольные лексемы имеют как активную, так и пассивную диатезы, очевидно, чаще всего отсутствует база для формулирования правил, регламентирующих условия, при которых в тексте по сугубо лингвистическим причинам вместо активной конструкции должна быть употреблена соотносительная пассивная конструкция" [Храковский 1981: 7]. Данный тип предположительно реализуется в карельских говорах Заонежья (ср. [Скуратова 1962; Трубинский 1969]) и, вероятно, в некоторых псковско-новгородских говорах, в которых сосуществование форм перфекта на *-н*, *-т* и на *-вши* от одних и тех же непереходных глаголов отражает именно их залоговую, а не какую-либо иную противопоставленность.

Таблица 5

Карельские говоры Заонежья (?)

Форма	Диатеза			
	1п	2п	1н	2н
на -л	+	-	+	-
на -н, -т	-	+	-	+
на -вши	-	-	+	-

Эти наблюдения позволяют также объяснить, почему диалектные системы допускают сосуществование двух разновидностей субъектных результатов (*Он ушел* — *у него уйдено*), обычно выделяемых в литературе: они представляют разные диатезы, а в ряде говоров и разные залоговые формы одного глагола. Наоборот,

принадлежность обеих разновидностей объектного результата (*У меня надевши валенки – у батьки у твою сажено березку*) к одной диатезе исключает один из коррелятов из системы. Предполагается, что аналогичное взаимоисключение характеризует и другие пары: *Я большая вода видено – Я большую воду видевши; Я прийден – Я пришедиши; У меня прийдено – У меня пришедиши.*

3. Заключение.

В настоящей работе на основе имеющихся в литературе сведений были рассмотрены отмеченные в русских диалектах случаи предикативного употребления форм причастий на *-н*, *-т* и на *-вши*, дана их ареальная характеристика и определено место этих форм в грамматической системе русских говоров как компонентов видо-временной структуры (форм перфекта). Затем предложено их описание в рамках теории диатез как форм залога. Отмечено, что, взятые в совокупности как абстрактная диасистема всех частных диалектных систем, русские диалекты демонстрируют утрату причастными формами залоговых специализаций, что влечет за собой выход причастий за рамки категории залога. Рассмотрение же вопроса о маркированности особыми причастными формами отдельных диатез в частных диалектных системах приводит к ряду выводов о диалектных различиях в реализации категории залога. В части говоров (например, в ряде псковских) употребление причастных форм в конструкции, традиционно считающейся активной, устранения противопоставления залоговых форм переходных глаголов, подрывает эту категорию в самом ее ядре. Для большинства же говоров характерно, с одной стороны, четкое противопоставление активных и пассивных форм переходных глаголов, с другой – отсутствие аналогичных формальных залоговых оппозиций у глаголов непереходных. В центральных говорах (вообще не знающих причастных форм от непереходных глаголов) это реализуется иначе, нежели в онежских и селигеро-торжковских (в которых вовлечение причастных форм в парадигму непереходных глаголов не ведет к формированию залоговых противопоставлений). О ряде северо-западных (например, псковских) говоров можно говорить, что в них наличествует морфологическая форма среднего залога, образующаяся от непереходных глаголов. Наконец, в небольшой части северо-западных русских говоров (например, заонежских, вероятно, ряде псковских) сформирована симметричная залоговая система, в которой как формам актива переходных глаголов, так и формам среднего залога глаголов непереходных противопоставлены соответствующие формы пассива.

По всей видимости, говоры не демонстрируют четких ареальных противопоставлений по данному признаку, хотя окончательное решение этого вопроса будет возможно лишь в результате последовательного описания залоговых систем большого числа русских диалектов*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В. 1990 – Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Бондарко А.В. 1991 – К определению понятия "залоговость". Активность / пассивность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Бромлей С.В., Булатова Л.Н. 1972 – Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Бувальцева М.Н. 1958 – Из морфологических особенностей говоров Белозерского района Вологодской области // Уч. зап. Мичуринского гос. пед. ин-та. Вып. 5. 1958.
- Буланин Л.Л. 1973 – Пассив состояния в русском языке // Уч. зап. ЛГУ. № 375. 1973.

* Автор выражает благодарность чл.-корр. РАН А.В. Бондарко и А.Н. Мальчукову, которые ознакомились со статьей и сделали ряд замечаний, способствовавших ее улучшению. Настоящая статья легла в основу доклада, прочитанного 20 октября 1997 г. в Славяно-балтийском семинаре университета г. Мюнстера (ФРГ).

- Булатова Л.Н. 1975 – Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Виноградов В.В. 1938 – Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938.
- Гринкова Н.П. 1948 – Очерки по русской диалектологии. VII. Мстинский говор // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 69. Кафедра русского языка. Л., 1948.
- Дмитриева Л.К. 1962 – К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм (на материале современных псковских говоров и псковских летописей) // Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962.
- Доля Т.Г. 1963 – Безличные предложения в говорах Заонежья Карельской АССР // Лингвистический сборник (Уч. зап. Петрозаводского ун-та. Т. XI. Вып. 7. Филологические науки). Петрозаводск, 1964.
- Еремин С.А. 1922 – Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. Т. ХСІХ. Вып. 5. Пг., 1922.
- Иваницкая Е.Н. 1962 – Некоторые синтаксические особенности северных говоров (по материалам говоров Дрегельского района Новгородской области) // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1962.
- Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава, 1960.
- Князев Ю.П. 1983 – Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Копорский С.А. 1945 – Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Уч. зап. Калининского ГПИ. Т. X. Вып. 3. Калинин, 1945.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1971 – Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Кузьмина И.Б. 1975 – О месте сочетаний типа (*есть*) поставлен, был (*будет*) поставлен; (*есть*) вставши, был (*будет*) вставши в грамматической системе современных русских говоров // ОИА. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.
- Кузьмина И.Б. 1993 – Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Мальцев М.Д. 1948 – О некоторых говорах Дновского и Порховского районов Псковской области // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 69. Кафедра русского языка. Л., 1948.
- Маркова Н.В. 1987 – К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов -н-, -т- в онежских говорах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- Маслов Ю.С. 1983 – Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Маслов Ю.С. 1984 – К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Недьяков В.П., Яхонтов С.Е. 1983 – Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Новгородов М.А. 1959 – Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР // Материалы и исследования по русской диалектологии (МГПИ им. В.И. Ленина. Кафедра русского языка). Вып. 9. М., 1959.
- Перельмутер И.А. 1995 – Залог древнегреческого глагола: Теория, генезис, история // Историко-филологические монографии. Т. 1. СПб., 1995.
- Петрова З.М. 1962 – О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах // Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка (Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 225). Л., 1962.
- Пишин М.И. 1963 – Сказуемое употребление деепричастий в говорах русского языка // Лингвистический сборник (Уч. зап. Петрозаводского ун-та. Т. XI. Вып. 7. Филологические науки). Петрозаводск, 1964.
- РГ 1980 I – Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1982.
- РГ 1980 II – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- РД 1965 – Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1965. (2-е изд.).
- РД 1972 – Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.
- РД 1990 – Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.
- Скуратова Н.И. 1962 – Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозаводского ун-та. Т. X. Вып. 3. Петрозаводск, 1962.
- Титовская В.В. 1976 – Возвратные глаголы и залоговые конструкции в диалектной речи жителей Воронежской области // Рязанский ГПИ. Диалектологический сборник. Рязань, 1976.
- Трубинский В.И. 1962 – О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах // Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962.

- Трубинский В.И. 1969 – Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 366. Гуманитарные науки. Петрозаводск, 1969.
- Трубинский В.И. 1983 – Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Трубинский В.И. 1984 – Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- Филин Ф.П. 1948 – Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюллетень диалектологического сектора (Институт русского языка). Вып. 4. М.; Л., 1948.
- Храковский В.С. 1974 – Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Храковский В.С. 1981 – Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Храковский В.С. 1990а – Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Храковский В.С. 1990б – Диатеза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Храковский В.С. 1991 – Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Ягодинский А.С. 1941 – Народные говоры Вожегодского района Вологодской области // Диалектологический сборник / Под ред. А.С. Ягодинского. Вып. II. Ч. I. Вологда, 1941.
- Havránek B. 1928 – Genera verbi v slovanských jazycích. Т. I. Praha, 1928; Т. II. Praha, 1937.
- Trost K. 1972 – Zur Struktur passivischer Sätze im Russischen, namentlich in den nordgroßrussischen Dialekten // Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Bd. XVIII. Hft 1. Wiesbaden–Wien, 1972.